

ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

CHANGE IN THE PERCEPTION OF THE HISTORY OF RUSSIA IN AMERICAN HISTORICAL SCIENCE

E. Kurenkova

Annotation

The article is devoted to changes in the perception of the history of Russia in American historical science. A departure from Cold War confrontational thinking and the emergence of new studies that historians have previously given to historians of culture, considered "unimportant" and "insignificant", sometimes "pretentious", based on the study of social history with great attention to culture, are being considered. The features of modern American historiography of the history of Russia are singled out, using new methodological concepts and approaches.

Keywords: American history, Russian studies, history of Russia, American historiography of Russia, anthropological dimension of history.

Куренкова Евгения Алексеевна
К.и.н., доцент,
Московский государственный
областной университет

Аннотация

Статья посвящена изменениям восприятия истории России в американской исторической науке. Рассматривается отход от конфронтационного мышления эпохи холодной войны и появление новых исследований, которые раньше отдавали на откуп историкам культуры, считая "неважными" и "незначительными", иногда и "претенциозными", опирающиеся на изучение социальной истории при большом внимании к культуре. Выделяются особенности современной американской историографии истории России, использующей новые методологические концепции и подходы.

Ключевые слова:

Американская историческая наука, русистика, изучение истории России, американская историография России, антропологическое изменение истории.

Политические потрясения рубежа 1980–1990-х годов, распад СССР и крушение коммунистической идеологии нанесли сокрушительный удар по западной советологии, которая в годы холодной войны выступала главным форпостом в идеологическом противостоянии двух сверхдержав. И совершенно понятно, что сложившаяся к этому времени в США мощная индустрия по изучению Советского Союза – так называемые Russian/Soviet studies (русские/советские исследования), оказалась перед лицом кризиса, который, однако же, привел к неоднозначным последствиям. Идеологически ориентированные советология, кремлинология, исследования коммунизма (communist studies) и другие дисциплины, обслуживавшие интересы "практической политики", довольно быстро исчезли с научного небосклона (хотя в ряде случаев дело свелось к перемене названий соответствующих центров, программ и периодических изданий) [1].

Однако не следует забывать, что с самого своего основания в 1940-х годах междисциплинарные "русские исследования" в США были ориентированы на производство, прежде всего, научного знания о Советском Союзе и странах Восточной Европы. И к моменту окончания холодной войны история, лингвистика, литературоведение, в меньшей степени – социология, политология и эконо-

мика – достигли впечатляющих результатов в изучении обширного региона. Поэтому, несмотря на испытанный шок, эти дисциплины сумели преодолеть кризис и вышли на новый виток своего развития. Особенно это касается исследований истории и культуры России, которые в 1990-е годы пережили настоящий взлет.

Надо сказать, что история всегда занимала ведущее место в Russian studies как по количеству подготовленных специалистов, защитивших магистерские и докторские диссертации, так и по своему научному уровню. За полвека было опубликовано несколько сотен очень серьезных монографий и сборников по истории России и СССР и огромное количество высоко профессиональных статей. А за последние двадцать лет, когда к историкам присоединились антропологи, этнологи и литературоведы, работающие в русле "нового историзма", в Северной Америке (при активном взаимодействии с учеными из Великобритании и Австралии) сложилась новая историография России, предложившая иной взгляд на считавшуюся прежде "варварской" и "экзотической" одну шестую часть суши. Характерной чертой этой историографии представляется отход от конфронтационного мышления эпохи холодной войны, что сами американцы считают – наряду с политическими трансформациями и "архивной революцией" – основной предпосылкой того поистине

революционного рывка, который американская историческая русистика совершила в последние двадцать пять лет [2, с.43].

В конце XX в. после окончания холодной войны изучение истории России в США вступило в новую фазу, которая при детальном знакомстве условно распадается на два этапа: революционные 1990-е и наступивший в новом тысячелетии период относительной стабильности (если этот термин возможно применить к такой динамичной дисциплине, как американская русистика). Ушли в прошлое горячие дискуссии, лихорадка архивных изысканий; пришло время прощаться с крайностями XX века. В сообществе американских историков-русистов усилилось стремление к поиску позитивных интерпретаций русской истории, и революционные настроения 1990-х годов сменились тягой к консенсусу.

В этом, и во многих других отношениях сегодняшняя ситуация разительно отличается от эпохи холодной войны, когда "изучение врага" щедро финансировалось и государством, и частными фондами, когда сама атмосфера противостояния подхлестывала интерес к коммунистическому СССР как в политических кругах США, так и в американском обществе. Сейчас, в условиях всеобщей идеологизации, финансирование русистики неуклонно сокращается, достигнув к нашему времени критической отметки, которая уже может угрожать жизнеспособности дисциплины. Сужаются карьерные возможности, резко возрастает конкуренция в профессии на фоне угасающего интереса к России среди студентов.

Но при всех этих объективных трудностях, в США – как это ни парадоксально – выходит все больше первоклассных исследований по истории России. За последние десять лет американские историки-русисты опубликовали несколько сотен монографий и сборников и бесчисленное количество статей, опровергая тем самым расхожее мнение, что наилучшим стимулом для развития Russian studies служила идеологическая конфронтация [3, с.29]. Это обстоятельство дает основания говорить о наступившем в 2000-е гг. "золотом веке" американской исторической русистики. Время покажет, насколько правомерны такие определения. Но факт остается фактом: за последние 10–15 лет в американской науке о России сложилась новая историография, которую отличает не только высокий уровень профессионализма. Это в полном смысле слова "другая история".

При первом же взгляде на библиографию американских исторических трудов последних лет бросается в глаза множество новых тем. Какие-то названия сразу же притягивают к себе внимание благодаря своей рекламной броскости: "Машины для товарищей: Жизнь советского автомобиля" (Л. Сигельбаум, 2008); "Московский

Спартак: история народной команды в рабочей стране" (Р. Эдельман, 2009); "Новое платье империи: История модной индустрии в России, 1700–1917" (К. Руэн, 2009), "Я покупаю в Москве: Реклама и создание потребительской культуры в России XIX – начала XX вв." (С. Уэст, 2011). Другие прямо указывают на новые темы и направления исследований, которые появились совсем недавно: "Новая культурная история Московии" (П. Хант, 2011), "Юродство в России: Новые взгляды" (С. Кобец, 2011); "Место, пространство и власть в России Нового времени: Очерки новой пространственной истории" (М. Бассин, 2010). Третьи подразумевают новизну, поскольку послевоенный Советский Союз и тем более брежневский период до последнего времени не входили в круг исследовательских интересов историков и рассматривались преимущественно социологами, политологами, экономистами [8].

В тематическом отношении контраст с тем, что считалось раньше достойным изучения, разительный, и не менее разителен и контраст с тем мрачным образом российской/советской действительности, который существовал в западной историографии периода холодной войны. Во времена господства теории модернизации ценились "крупные" темы: революционное движение, социально-экономическое развитие, внешняя и внутренняя политика государства. Сегодня в американской русистике стали особенно актуальными темы, которые раньше отдавали на откуп историкам культуры, считая "неважными" и "незначительными", иногда и "претенциозными". Связано это, прежде всего, с колоссальным расширением понятия культуры, которое вбирает в себя буквально все сферы человеческой деятельности, и выдвижением его на первый план в изучении истории. Так что теперь вместо самодержавия и его институтов изучается мифология самодержавной власти в общественном сознании, а формирование русской идентичности исследуется на материале национальной кухни (Platt K.M.F. *Terror and greatness: Ivan and Peter as Russian myths*, 2011; Smith A.K. *Recipes for Russia: food and nationhood under the tsars*, 2008).

Тем не менее, чтобы квалифицировать причины этих тематических изменений, будет не совсем верным и явно недостаточным указать, что названные здесь работы (и множество других, опубликованных в новом тысячелетии) – результат торжества так называемой "культурной парадигмы" в американской русистике [5, с.16]. Неверно хотя бы потому, что многие из них написаны в русле не культурной, а социальной истории, правда, отмеченной серьезным вниманием к культуре.

Современную американскую историографию России следует рассматривать более широко, не замыкаясь в узких рамках методологических подходов. Прежде всего,

новые работы, многие из которых представляют собой первые монографии, написанные на основе докторских диссертаций, – плоды революционных 1990-х. Это плоды открытия страны для иностранцев и "архивной революции", деидеологизации и общего расширения мировоззренческих горизонтов. Но, конечно, не в последнюю очередь, – это плоды многочисленных "поворотов" в мировой историографии, которые сопровождали смену исследовательских парадигм с социально-научной на гуманитарную – культурную.

В 1990-е гг. американская русистика переживала "культурный" и "лингвистический" повороты, что неизбежно вело к возникновению новых направлений исследований и реконструкции старых. С проникновением в американскую русистику "культурной парадигмы" все больший вес приобретают гендерные исследования, устанавливается диалог истории с антропологией [1]. Совершенно новой темой, которой в годы холодной войны в США занимались единицы, следует признать историю религии и религиозности, причем в 1990-х – начале 2000-х годов в центре внимания находилось православие, затем активизировались исследования ислама, а вскоре к ним добавились работы по иудаизму (в рамках динамично развивающейся в настоящее время иудаики) (Adler E.R. *In her hands: The education of Jewish girls in tsarist Russia*, 2011; Klier J. *Russians, Jews, and the pogroms of 1881–1882*, 2011).

Одним из ведущих направлений исследований, возникших в американской русистике в 1990-е гг. на пике интереса к проблемам этничности и национализма, стала "имперская история" России. В то время вся мировая историография переживала так называемый "имперский поворот", означавший отход от изучения национального государства и обращение к истории империй. В широком потоке исследований, посвященных имперской проблематике, выделилась ориентированная на культурную парадигму "новая история империй", тесно связанная с "постколониальным поворотом". В противоположность "старой" истории империй, занимавшейся изучением экономики, политики и военной экспансии, "новая" ассоциируется с категориями культуры, гендера, расы [4, с.59–66].

Американская историография России как многонациональной империи имеет свои особенности. Начавшись с серьезных заявок на новизну, на инкорпорацию самых современных тогда подходов культурных и постколониальных исследований, она так и не завершила свой "имперский поворот". По-прежнему в центре внимания находится государство, его институты и проблемы управления, в частности, этноконфессиональная политика.

Несомненно, американская историография России как империи серьезно изменилась за последние десять

лет, постепенно обогащаясь новыми концепциями и подходами. Всё шире становится хронологический охват, набирает силу "антропологическое измерение" истории (Romaniello M.P. *The elusive empire: Kazan and the creation of Russia, 1552–1671*, 2012; *Russia's people of empire: Life stories from Eurasia, 1500 to the present* / Ed. By S.M. Norris, W. Sunderland, 2012.). Одной из влиятельных тенденций в условиях "пространственного" и "транснационального" поворотов становится изучение географического фактора в формировании империи, и прежде всего процесса колонизации, который, как известно, играл большую роль в истории России [3, с.41].

Интерес к пространству и его субъективному измерению, особенно усилившийся в мировой историографии в новом тысячелетии, реализуется в американской русистике далеко не только в "имперской истории". Изучение таких тем, как история окружающей среды (*environmental history*), туризм и другие формы людской мобильности, позволило американским русистам обратиться к ранее не изучавшимся сторонам социальности и государственной политики России/СССР. Совершенно новые перспективы перед исследователями истории России открыли "визуальный" и "эмоциональный" повороты, которые совсем недавно, с некоторым запозданием пришли в русистику (*Picturing Russia: Explorations in visual culture* / Ed. by V.A. Kivelson, J. Neuberger, 2008; *Interpreting emotions in Russia and Eastern Europe* / Ed. by M.D. Steinberg, 2011).

В конечном счете, все эти многочисленные "повороты" последних лет ведут в одном направлении – к человеку, знаменуя собой "антропологический поворот" в гуманитарном знании, в большой степени затронувший и американскую русистику. Антропологический поворот в историческом знании не следует понимать как обращение к "простому человеку": этим уже занималась социальная история 1960-х – 1980-х гг. Однако в фокусе ее внимания находились всё же массы ("низы"), и даже интерес к повседневности и микроистории подразумевал в конечном итоге анализ фундаментальных структур повседневной жизни [7, с.3]. Иными словами, социальная история была нацелена на объяснение закономерных процессов исторической эволюции, которые познавались на основе непосредственного опыта людей.

Культурный и лингвистический повороты переориентировали исследователей. Понятие "культуры", как уже говорилось, необыкновенно расширилось, включив в себя осознанные и неосознанные социокультурные представления людей, а благодаря внедрению в исторические исследования дискурсивного анализа язык как основа, конструирующая и формирующая реальность, все дальше оттесняет на задний план опыт. В результате фокус внимания перемещается с социальной группы на индивида, который выступает как активное, деятельное нача-

ло в истории. Таким образом, главное, что составляет суть антропологического поворота и лежит в основе всех методологических инноваций, – это смена координат, в которой центральное место занял человек (субъект), а не "объективные факторы" и "социальные структуры" [6, с. 62]. И это наглядно отразилось в смене тематических предпочтений американских русистов, занимающихся изучением истории России.

За последние 20 лет изменился и сам облик русистики, которая к настоящему времени обрела совершенно

иное лицо. Это в основе своей гуманитарная дисциплина, где на поле культуры воедино слились история, литературоведение, культурные исследования, антропология, гендерные исследования, этнология и т.д. Объединяет их общий предмет изучения – история, а точнее, исторический и культурно ориентированный подход, который прочно обосновался в науках об обществе в 1990–е гг. Именно тогда на интеллектуальном небосклоне засияли "новый историзм" в литературоведении, этноистория, историческая антропология, новую актуальность получила историческая социология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова О. В. Другая история: Современная американская историография России // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2014. – Т. 5. Выпуск 7 (30) [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://history.jes.su/s207987840000838-0-1>
2. Большакова О. В. О новой концепции истории России в американской историографии // История и историки: историографический вестник. 2009–2010 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2012.
3. Большакова О. В. Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны: Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. истории. М., 2013.
4. Большакова О. В. Рец.: Коллманн Н. Ш.. Преступление и наказание в России раннего Нового времени // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2015. – № 4.
5. Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самарский университет, 2000.
6. Кром М. М. Историческая антропология русского средневековья: Контуры нового направления / М. М. Кром // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Доклады и сообщения научной конференции. М., 2000.
7. Лапшина Н. С. Антропологический подход к изучению вопросов власти и права в России конца XIX – начала XX вв.: обзор современной американской историографии / Н. С. Лапшина // История государства и права. – 2010. – № 17.
8. Эткинд А. Американская русистика: история второго мира из первых рук / А. Эткинд // Новая русская книга. – 2001. – №3–4 [Электронный ресурс]. Доступ к документу: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/13.html>

© Е.А. Куренкова, (kurenkovagane@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

